

“меня не утомило детство”

Борис Заборов в Третьяковке



Воспоминания художника буквально отливаются в бронзу — это видно в скульптурном разделе выставки (Борис Заборов. Открытая книга. 2002)

|| **СЕРГЕЙ САФОНОВ**

В залах ГТГ на Крымском Валу открылась выставка Бориса Заборова — художника-эмигранта, более двадцати лет обретающегося во Франции. В экспозиции представлен весь спектр его творческих интересов: от живописи и графики до коллажа и скульптуры.

Сезон выдался бурным, одних только юбилейных экспозиций было не меньше десятка, и что ни имя — эпоха: Кабаков, Злотников, Пивоваров, Булатов... Учитывая подробности биографии покинувшего отечество в 1981 году Заборова, его выставка — к тому же с заранее отпечатанным в Италии роскошным изданием, предусмотрительно украшенным эмблемой ГТГ, — оказалась не так уж и неуместна в этом ряду персоналок если не сверстников, то, по крайней мере, узнаваемых «представителей послево-

енного неофициального искусства». Можно даже сказать, что нынешняя экспозиция Заборова, переехавшая в ГТГ из Русского музея, — закономерный финал этого ряда. «Проблема выбора профессии для меня не стояла, — вспоминал художник. — С тех пор как помню себя, рисую. С момента моего рождения я очутился в мастерской художника, моего отца — Заборова Абрама». Борис родился в Белоруссии в 1935-м. После восьмого класса поступил сразу в второй курс художественного училища: сказалась отцовская выучка. Но это произошло уже в 1950-м. «Меня не успело утомить детство, — признается Заборов. — Оно оборвалось быстро, вдруг. Мне было шесть лет, когда началась война. Я быстро повзрослел». Все родственники его матери погибли в нацистском концлагере. В разрушенный Минск семье художника удалось вернуться через год после завершения военных действий. В 1953 году Заборов попытался сдать экзамены в Академию художеств в Ленинграде, но пробился лишь в ее подготовительный класс. Бурный роман, случившийся во время учебы на втором академическом курсе, привел студента-художника в Москву, в Суриковский инсти-

тут. Тамашная учеба закончилась в 1961-м. Пора первых, по-настоящему самостоятельных шагов в искусстве совпала для Заборова с началом хрущевской оттепели. «Моя жизненная стратегия была ясной — стать художником, писать картины! Живопись давала удовлетворение, но не приносила денег. Книжная графика кормила, но со временем становилась все более ненавистой. Осознание того, что каждый прожитый в этом состоянии час, день, год безнадежно уменьшают шанс собственного возрождения, было мучительным. Как разрубить этот гордый узел? Так в мае 1981 года я оказался на перроне Северного вокзала в Париже». Готовность ворошить и перебирать прошлое проявилась не только в таких автобиографических размышлениях, но и во всей — чуть не написал «живописи» — творческой деятельности Заборова. Потому что больше всего этим работам, выполненным на холсте и бумаге водяными красками, карандашом и акрилом, подходит определение «смешанная техника». Автора не заподозришь в облегчающих жизнь современных художника технологических уловках. Но сам принцип создания изображений,

в основе которых часто оказываются старые фотографии (неважно, существовавшие на самом деле или придуманные, с персонажами, проступающими через многодельную фактуру, где всякое цветовое пятно непременно уточнено линией), восходит скорее к графике. Холсты и листы рассказывают о былом, это подчеркивает заимствованная стилистика дагерротипов. Даже режиссер Анатолий Васильев на портрете 1997 года выглядит персонажем из академической постановки театрального наследия Максима Горького. В этой ретроэстетике заключена расчетливая привлекательность творчества Заборова. Тех, кто отправится в Третьяковку на выставку, ожидает мастерски приготовленный коктейль из фундаментального советского художественного образования и успешно реализованного желания художника-иллюстратора преодолеть камерный книжный формат, чтобы вырваться на простор станковой картины. Плюс ностальгия. Смешанные в разных пропорциях, эти ингредиенты смогли дать миру не одного художника, бежавшего от «гнета Советской России» во второй половине XX столетия.